

**«ГОСУДАРЬ» МАКИАВЕЛЛИ
И «МЕДНЫЙ ВСАДНИК» ПУШКИНА
(философско-политические параллели)**

А.А. КАРА-МУРЗА

В данном тексте речь пойдет о влиянии трактата Никколо Макиавелли «Государь» (500-летие со времени написания которого отмечалось в 2013 г.¹) на русскую культуру. Я остановлюсь главным образом на политико-философских параллелях «Государя» и «Медного всадника» А.С. Пушкина.

Трактат «Государь» обладает своеобразной текстовой структурой: философская концепция здесь не предшествует основному корпусу назидательных исторических примеров, а завершает и обобщает их. Ключевой политико-философский смысл трактата сформулирован в предпоследней, 25-й главе, которая называется: *«Насколько дела человеческие зависят от фортуны и как можно ей противостоять»*². Макиавелли дает здесь следующее определение «фортуны» или «судьбы»: «Я уподобляю ее бурной реке, которая, расвирепев, затопляет долину, крушит дома и деревья... все уступает и бежит перед стихией, не в силах ей противостоять»³.

Больше двадцати лет назад, уже не первый год читая курсы по истории политической философии, я обратил внимание на то, что главным героем пушкинского «Медного всадника» как раз является разбушевавшаяся река, наводнение, которое обуздывается «Медным всадником», пушкинским воплощением Петра Великого. В свое время я написал об этой перекличке смыслов пушкинской поэмы и «Государя» в книге «Реформатор. Русские о Петре Великом» (1994)⁴, а затем и в монографии «Новое варварство как проблема российской цивилизации» (1995)⁵, написанной на основе докторской диссертации. С тех пор идея о том, что «Медный всадник» является русским парафразом на тему «Государя» Макиавелли, неоднократно мною уточнялась, и, как мне кажется, заметно усилилась.

Пушкин, разумеется, хорошо знал труды Макиавелли, еще с Царскосельского лицея, где великий флорентиец фигурировал в курсах любимых пушкинских преподавателей – Александра Петровича Куницына, профессора этики, политической науки и права и профессора русской и латинской словесности Петра Егоровича Георгиевского⁶. Есть все основания считать, что Пушкин весьма уважительно относился к Макиавелли. В своих исторических зарисовках «Table-Talk» (написанных примерно в те же месяцы, что и «Медный всадник») он, например, с иронией писал о «езуите Посвине» – «одном из самых ревностных гонителей памяти макиавелевой», который «соединил в

одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец» (речь идет о сочинении Антонио Поссевино 1592 г. «Суждение о четырех писателях». — А. К.). Пушкин, напротив, положительно отзывался о немецком историке Германне Конринге (у Пушкина — Conringius), издавшем в 1660 г. «Государя» Макиавелли в переводе на немецкий язык и доказавшем, что «Посвин никогда не читал Макиавеля, а толковал о нем понаслышке». Сведения об этой полемике Пушкин мог почерпнуть из предисловия Ж.-В. Периеса к изданному на французском языке 10-томному собранию сочинений Макиавелли (Paris, 1823 — 1826), имевшемуся в пушкинской библиотеке. Цитируя в «Застольных разговорах» некоторые известные максимы Макиавелли, Пушкин называл его «великим знатоком природы человеческой»⁷.

Обратимся теперь к обстоятельствам написания поэмы «Медный всадник». Известно, что Пушкин, получив в начале августа 1833 г. Высочайшее разрешение на поездку в Оренбург и Казань для работы над «Историей Пугачева», выехал из Петербурга в Москву вместе с С.А. Соболевским, но чуть было не вернулся из-за очередного разлива Невы. Впрочем, в голове его уже крепко сидела мысль написать произведение, главным персонажем которого станет именно наводнение: с собой в дорогу он взял книгу В.Н. Берха «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге».

Поскольку из Петербурга Пушкин выехал именно с Соболевским, похоже, что именно он может рассматриваться как главный пушкинский конфидендент в обсуждении литературных планов, и, следовательно, его свидетельства об истории создания «Медного всадника» имеют особую значимость. Согласно рассказам Соболевского (зафиксированным такими авторитетными публикаторами, как П.И. Бартенев, А.П. Милюков и др.), на Пушкина произвела сильное впечатление одна «петербургская легенда», пересказанная ему графом М.Ю. Виельгорским. Якобы в 1812 г., когда Петербургу грозила опасность французского вторжения, император Александр Павлович планировал эвакуировать памятник Петра Великого в глубь России. Но в тот момент друг царя кн. А.Н. Голицын, «масон и духовидец», сообщил ему о своем знакомом, некоем «майоре Батурине», которого преследовал навязчивый сон: «Он видит себя на Сенатской площади. Лик Петра поворачивается. Всадник съезжает со скалы своей и направляется по петербургским улицам к Каменному острову (где жил тогда Батурин), влекомый какою-то чудною силою, несется за ним и слышит топот меди по мостовой. Всадник въезжает на двор Каменно-островского дворца, из которого выходит к нему навстречу задумчивый и озабоченный государь. “Молодой человек, до чего довел ты мою Россию?”, — говорит ему Петр Великий. — “Но покамест я на месте, моему городу нечего опасаться!” Затем всадник

поворачивает назад, и снова раздается тяжело-звонкое скаканье». Пораженный рассказом Батурина, кн. Голицын передал сновиденье государю, также не чуждому мистики, и статуя Петра Великого была оставлена в покое⁸.

Как мы знаем, император Александр Павлович является одним из действующих лиц «Медного всадника» — правда, вызывающим скорее жалость и призванным оттенить подлинное величие Петра. В поэме Александр появляется единожды: он с фаталистической обреченностью глядит на страшное наводнение с балкона Зимнего дворца.

...В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладать...» Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел⁹...

Этот фрагмент пушкинской поэмы позволяет провести новые параллели с «Государем». Как следует из Макиавелли, обуздать фортуна может только личная «доблесть» (*virtù*) «Государя», призванного возвести «заграждения», «плотины» на пути стихийного разлива бурной реки. Макиавелли пишет о «судьбе» («фортуне»): «Ее могущество проявляется там, где доблесть не готова ей противостоять, поэтому фортуна обрушивает свои удары на то место, где она не ожидает встретить сдерживающих ее плотин и запруд». В этом смысле, указывает Макиавелли, современные ему правители разьединенной Италии (которая видится ему уязвимой для разлива хаоса «равниной, лишеной каких бы то ни было плотин и преград») оказались не в силах «совладать с судьбой». Другое дело — Германия, Испания или Франция, которые надежно ограждены от стихии «подобающей доблестью» их государей¹⁰. Именно в 25-й, «философской» главе своего трактата Макиавелли пишет о принципиальной разнице между истинным Государем, умеющим управлять судьбой, и государем мнимым, временным «баловнем судьбы». «Замечу, — пишет Макиавелли, — что мы можем наблюдать, как сегодня какому-то государю сопутствует успех, а завтра падение, хотя он нисколько не изменил своих природных качеств. Я думаю, это происходит... потому, что государь, целиком полагающийся на удачу, гибнет из-за ее переменчивости. Я полагаю также, что успех сопутствует тому, кто соразмеряет свой образ действий с обстоятельствами момента; не везет же тому, кто не умеет идти в ногу со временем»¹¹.

Что же за тип «государя» может противостоять фортуне? Об этом Макиавелли говорит в 18-й главе, где содержится известное опреде-

ление истинного «государя» как персонажа двойной природы, — человеческой и животной одновременно. Поскольку «можно вести борьбу двумя способами: опираясь на закон или с помощью насилия» (при этом «первый способ применяется людьми, а второй — дикими животными»), то, делает вывод Макиавелли, «государь должен уметь подражать и зверю, и человеку»¹².

Хорошо известно, что, согласно Макиавелли, из всех зверей Государь должен уподобиться главным образом двум — льву и лисе: «Лев не защищен от капканов, а лиса — от волков. Следовательно, нужно быть лисой, чтобы избежать ловушек, и львом, чтобы напугать волков»¹³. Однако немногие помнят буквально соседнее место из 18-й главы, где прямо после слов «государь должен уметь подражать и зверю, и человеку» Макиавелли пишет следующее: «Этот совет в иносказании давали государям древние писатели, которые сообщают, что Ахилл и многие другие из старинных властителей были отданы на выучку кентавру Хирону, который должен был их растить и воспитывать. А иметь наставником полужверя и получеловека означает для государя не что иное, как необходимость пользоваться природой и того, и другого, ибо с помощью одной из них долго не продержаться»¹⁴.

Но ведь у Пушкина «Медный всадник» — это и есть Кентавр, «получеловек — полуживотное». «Медный всадник», разумеется, — это вовсе не царь Петр на коне; это новая сущность: Государь-Кентавр. И, разумеется, именно к нему, как к философскому образу, а не просто к лошади под всадником обращены слова Пушкина:

«Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?»

И заметим, сразу же, в следующей же строке, у Пушкина фигурирует «Судьба»:

«О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?»¹⁵

Итак, главная идея Макиавелли в «Государе» — абсолютно прозрачна. Судьба, фортуна — это проявления первичного хаоса. Государь же — воплощение Цивилизации, этот Хаос обуздывающей. Об этом же — у Пушкина. Наводнение у него — выплеск «варварской стихии»:

«Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась...»

или:

«Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна...»

«Медный всадник» Пушкина — это воплощение истинного «Государя», Петра Великого, в свое время победившего фортуны и выстроившего каменную крепость на диких финских болотах, а теперь снова побеждающего наводнение, этот новый выплеск злой «фортуны» и «варварства»:

«Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!»¹⁶

Полагаю, что ближе всего к разгадке философского смысла «Медного всадника» подошел Г.П. Федотов. Еще в ранне-эмигрантской статье «Три столицы» (1926) автор предпринял попытку взглянуть на весь петербургский период через призму многозначности образа «Медного всадника», как его нам представили Пушкин и Этьен Фальконе. По мнению Федотова, «Медный всадник» — это образ борьбы Империи с порожденной ею культурой и ее конечным воплощением — Революцией: «Это борьба отца с сыном и нетрудно узнать фамильные черты: тот же дух системы, “утопии”, “беспощадная последовательность”, “западничество”, отрыв от матери-земли»¹⁷.

Тему пушкинского отношения к Империи, с одной стороны, и к русскому хаосу, с другой, кратко затронутую Федотовым в «Трех столицах», философ развил спустя десятилетие, в год столетия гибели Пушкина, в статье «Певец Империи и свободы», напечатанной в парижских «Современных записках» в 1937 г. На мой взгляд, эта статья (хотя Макиавелли в ней опять-таки прямо не упоминается) свидетельствует о полном понимании Федотовым «макиавеллиевского» контекста «Медного всадника». Это ясно видно хотя бы из слов: «В “Медном Всаднике” не два действующих лица, как часто утверждали, давая им символическое значение: Петр и Евгений, государство и личность. Из-за них явственно встает образ третьей, безликой силы: это стихия разбушевавшейся Невы, их общий враг, изображению которого посвящена большая часть поэмы. И какое это изображение!»¹⁸

Для меня очевидно, что в этой статье 1837 г. Федотов *фактически* утверждает (хотя и не пишет об этом буквально), что Пушкин, во-

первых, был абсолютно «внутри» контекста трактата Макиавелли в постановке вопроса о правоте Государя перед лицом стихии, а, во-вторых, не был чужд и самого «макиавеллизма» в разрешении этого вопроса. Читаем у Федотова: «Бесполезно было бы до конца этизировать аполлинический эрос империи, которым живет Пушкин... На бранном поле Аполлону трудно сохранить благородство своей бесстрастной красоты... Бесполезно поэтому видеть в империи Пушкина чистое выражение нравственно-политической воли. Начало правды слишком часто в стихах поэта, как и в жизни государства — отступает перед обаянием торжествующей силы. Обе антипольские оды (“Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”) являются ярким воплощением политического аморализма (курсив мой. — А. К.)»¹⁹. Разумеется, на эту оценку «польских» сочинений Пушкина повлияла последовательно «полонофильская» позиция самого Федотова²⁰.

Настало, видимо, самое время рассмотреть еще одно, принципиальное обстоятельство, позволяющее установить внутреннюю взаимосвязь двух гениальных произведений — трактата Макиавелли «Государь» и написанного более чем через триста лет «Медного всадника». Это — развитие «польской темы» в творчестве Пушкина и его отношения с польским поэтом Адамом Мицкевичем.

Установлено, что среди книг, взятых с собой Пушкиным летом 1833 г. в поездку в Оренбург и Казань, было и четырехтомное польское издание произведений Мицкевича (запрещенных в России), незадолго до этого привезенное Пушкину из Европы С.А. Соболевским, лично встречавшимся с польским поэтом в Риме и Париже. Известны и причины, по которым Пушкин во второй половине 1833 г. был крайне взволнован своими отношениями со старым другом — Мицкевичем²¹.

Как известно, во время своего пребывания в России в 1824 — 1829 гг. Мицкевич неоднократно встречался с Пушкиным в Москве и Санкт-Петербурге и сдружился с ним (поэты были практически ровесниками). Одна их встреча особенно примечательна в контексте нашей темы — она имела место у памятника Петру на Сенатской площади и была позднее описана Мицкевичем в стихотворном отрывке «Памятник Петра Великого» («Pomnik Piotra Wielkiego»), вошедшем в приложение («Ustęp») к III части поэмы «Дзяды» (1832): «Вечером под дождем стояли два юноши под одним плащом, взявшись за руки: один был пилигрим, пришелец с Запада, неизвестная жертва злой судьбы; другой был поэт русского народа, прославившийся песнями на всем севере. Знакомы были они недолго, но тесно и уже несколько дней были друзьями. Их души выше земных преград, как две родственные альпийские вершины, которые, хотя и разорваны навеки струєю потока, едва слышат шум своего врага, склоняя друг к другу поднебные

вершины». (Эта история диалога двух поэтов у «Медного всадника» стала мотивом знаменитого горельефа М.И. Мильбергера на фасаде дома в Глинищевском переулке в Москве, где когда-то, в гостинице «Англия», встречались Пушкин и Мицкевич)²².

Однако в 1830-е гг. пути друзей разошлись. Пушкин, как известно, с радостью воспринял подавление польского восстания 1830 – 1831 г. и на пару с Жуковским написал восторженные стихи в брошюре «На взятие Варшавы». Для Мицкевича стало трагедией и падение революционной Варшавы, и «предательство» (как он считал) некоторых русских друзей. В ответ на «антипольские» сочинения Пушкина и Жуковского он написал стихотворное обращение «Русским друзьям» («Do przyjaciół Moskali»), которое, через Соболевского, попало в руки Пушкина летом 1833 г. Стихотворение Мицкевича начиналось весьма благожелательно:

Вы помните ль меня? Среди моих друзей,
Казненных, сосланных в снега пустынь угрюмых,
Сыны чужой земли! Вы также с давних дней
Гражданство обрели в моих заветных думях.

Однако в последующих строфах Пушкин наверняка уловил намек на себя и своих единомышленников:

Быть может, золотом иль златом ослеплен,
Иной из вас, друзья, наказан небом строже:
Быть может, разум, честь и совесть продал он
За ласку щедрую царя или вельможи.
Иль, деспота воспев подкупленным пером,
Позорно предаст бывлых друзей злословью,
Иль в Польше тешится награбленным добром
Кичась насильями, и казнями, и кровью.

Последнее четверостишие звучало особенно вызывающе:

А если кто из вас ответит мне хулой,
Я лишь одно скажу: так лает пес дворовый
И рвется искушать, любя ошейник свой,
Те руки, что ярмо сорвать с него готовы.

Разумеется, Пушкин не мог оставить едкое сочинение Мицкевича без ответа – оставалось избрать его форму. Известен черновик так и не дописанного стихотворного ответа Пушкина, по смыслу и даже форме абсолютно «симметричного» тексту Мицкевича. Пушкин начинает предельно доброжелательно:

...Он между нами жил,
Средь племени враждебного; но злобы

В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили...

А заканчивает текст совершенно на иной ноте:

...Теперь наш мирный гость нам стал врагом, — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного [падшего] поэта...

и т.д.²³

Тот факт, что данный «ответ Мицкевичу» так никогда и не был закончен, говорит о том, что Пушкин отказался от «стихотворной дуэли» и предпочел иную форму обоснования своей позиции. В значительной мере этой формой и стала поэма «Медный всадник», обосновывающая историческую правоту «Империи» перед лицом «нового варварства» (читай: революции).

Однако причем здесь Никколо Макиавелли? В том-то и дело, что во взаимоотношениях Пушкина и Мицкевича труды «великого флорентийца» (и прежде всего «Государь») сыграли принципиальную роль. Начнем с того, что для культурного класса католической Польши на протяжении столетий «макиавеллиевская» тема о способах и цене объединения страны была не менее актуальной, чем для разбединенной Италии начала XVI в., когда писался знаменитый трактат.

Сам Мицкевич как одна из ключевых фигур польского самосознания и национального освобождения крайне интересовался Макиавелли и часто цитировал его. В своих письмах польским друзьям из Москвы Мицкевич не раз упоминал, что увлечен «итальянскими» литературно-историческими сюжетами — например, «Историей Флоренции» Макиавелли и «Заговором Фиеско в Генуе» Шиллера.

Более того, именно из Макиавелли Мицкевич взял эпиграф для своей главной поэмы «Конрад Валленрод», посвященной излюбленной теме Макиавелли — вопросу о нравственно приемлемом и неприемлемом в борьбе на свободу. Это — цитата из той самой, «философской», 25-й главы «Государя»: *«Ибо должны вы знать, что есть два рода борьбы... надо поэтому быть лисицей и львом».*

Главный герой поэмы Мицкевича — Конрад Валленрод, литовец, хитростью и обманом пробравшийся на пост Великого магистра Тевтонского ордена, чтобы разложить врага изнутри и добыть для родины желанную свободу. Отметим, что эпиграф из Макиавелли в поэме польского поэта очень насторожил (если не сказать: напугал) наместника русского императора в Польше Н.Н. Новосильцева, который счел большой ошибкой разрешение Санкт-Петербургской цензуры на печатание «Конрада Валленрода» в России (да еще и с посвящением царю Николаю!) В своем официальном рапорте Новосильцев, человек

хорошо и разносторонне образованный, разъяснял «сокровенный смысл» эпитафии про «лисицу и льва»: «Согревать угасающий патриотизм, питать вражду и приготавливать будущие происшествия, учить нынешнее поколение (поляков. — А. К.) быть ныне лисицею, чтобы со временем обратиться в льва». Согласно Новосильцеву, вся поэма была назначена (и на это и намекает эпитафия из Макиавелли) к тому, чтобы вызывать «чувствования, свойственные побежденным, оправдывающие даже неблагодарность и самую измену», чтобы приготавливать «скрытым образом ужаснейшую войну»²⁴.

Необходимо отметить, что сам Адам Мицкевич отрицательно относился к явлению, получившему с его легкой руки понятие «валленродизм», да и сам его герой определял избранное им средство борьбы за национальное освобождение как «проклятое» и «страшное». Между тем поэма Мицкевича «Конрад Валленрод» стала не только знаменем польского освобождения, но и получила немалую популярность в России. Примечательно, что сам А.С. Пушкин с энтузиазмом принял за ее перевод на русский язык (переведенные им начальные главы обещали литературный шедевр), но внезапно бросил работу. Логично в этой связи предположить, что «Медный всадник» Пушкина — это не просто своеобразное стихотворное послание к Мицкевичу, а послание на хорошо понятном обоим поэтам (и политикам) языке — языке «Государя» Макиавелли.

И еще один аргумент в пользу «незримого присутствия» Макиавелли в творчестве А.С. Пушкина и его литературно-политической полемике с А. Мицкевичем. Дело в том, что параллельно с «Медным всадником» Пушкин писал еще одну поэму — «Анджело», начатую предположительно в феврале 1833 г. и законченную в Болдино 27 октября 1833 г.²⁵ Речь идет о тексте, начатом сначала как перевод шекспировской пьесы «Measure for measure» («Мера за меру»), однако вскоре Пушкин вступил на путь свободной импровизации, вернув действие из Австрии в Италию (сам Шекспир заимствовал сюжет пьесы из одной итальянской хроники, но перенес ее в Вену).

Пушкин прежде всего усилил образ главного героя — Анджело, начинавшего как высокоморальный праведник и получившего абсолютную власть для установления мира и наведения порядка, а потом запутавшегося в собственных интригах и превратившегося в коварного диктатора. Блестящий знаток творчества Пушкина, акад. М.Н. Розанов однозначно усмотрел в пушкинском «Анджело» черты «макиавеллического тирана» (курсив мой. — А. К.)²⁶

В заключение скажу, что наш русский спор о Макиавелли²⁷ во многом связан с тем, что именно его «Государь» стал неким идентификационным зеркалом для споров о самой России. Далеко не первым, но, безусловно, самым ярким воплощением этого стал «Медный Всадник» Александра Сергеевича Пушкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана на основе доклада на конференции «Мораль и политика», посвященной 500-летию трактата «Il Principe», прошедшей в Институте философии РАН 21 ноября 2013 г.

² *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. – М., 2002. С. 432 – 435. Здесь и далее в тексте используется вариант перевода «Государя» М.А. Юсима. Впрочем, все профессиональные русские переводчики с итальянского – и расстрелянный в «большом терроре» М.С. Фельдштейн, и Г.Д. Муравьева – одинаково хорошо понимали ключевое значение этой главы, и их варианты перевода отличаются незначительно.

³ Там же. С. 433.

⁴ *Кара-Мурза А.А.* Формула Петра Великого // *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. – Иваново, 1994. С. 290 – 291.

⁵ *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. – М., 1995. С.64 – 65. В этой книге я даже позволил себе сделать такой вывод: «Вообще тот факт, что Макиавелли и Петр Великий не встретились во времени и пространстве, и первый преподнес свой знаменитый трактат “Государь” не Петру, а Лоренцо Медичи, – одно из недоразумений, на которые так богата история» (там же. С. 64).

⁶ Пушкин очень любил русского энциклопедиста А.П. Куницына, который, окончив Главный педагогический институт, затем учился еще в Геттингенском и Гейдельбергском университетах. Вспомним слова поэта в «Лицейской годовщине 19 октября 1825 г.»: «*Куницыну дань сердца и вина! // Он создал нас, он воспитал наш пламень, // Поставлен им краеугольный камень, // Им чистая лампада возжжена*». Что касается П.Е. Георгиевского, то в опубликованном им «лицейском курсе» есть прямая характеристика Макиавелли: «Образователь лучшей их (итальянцев. – А. К.) исторической школы, к сожалению, распространивший самые вредные правила политики в государствах» (*Георгиевский П.Е.* Руководство к изучению русской словесности. – СПб., 1836. Ч. 4. С. 78).

⁷ *Пушкин А.С.* Избранное. – М., 2010. Ч. 1. С. 740.

⁸ См.: *Измайлов Н.В.* «Медный всадник» А.С. Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения // *Пушкин А.С.* Медный всадник. – Л., 1978. С. 243 – 244.

⁹ В черновом варианте этот фрагмент у Пушкина начинался словами: «...Тот страшный год // Последним годом был державства // Царя пред к<ем>...» По мнению Н.В. Измайлова, далее, по всей видимости, должны были следовать слова: «пред кем склонился Наполеон» или «пал Париж» (*Измайлов Н.В.* «Медный всадник» А.С. Пушкина... С. 203).

¹⁰ См.: *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. С. 433.

¹¹ Там же. Как тут не вспомнить характеристику императора Александра Павловича из 10-й главы «Евгения Онегина»: «Властитель слабый и лукавый // Плешивый щеголь, враг труда // Нечаянно пригретый славой // Над нами царствовал тогда». «Нечаянно пригретый славой» царь Александр, «баловень судьбы» – это очевидная пушкинская антитеза истинному «Государю», «властелину судьбы» Петру Великому.

¹² Там же. С. 409.

¹³ Там же. С. 410.

¹⁴ Там же. С. 409.

¹⁵ Интересно, что Д.С. Мережковский в романе «Петр и Алексей» (из трилогии «Христос и Антихрист»), устами одной из своих героинь, иностранной фрейлины при русском дворе, уподобил царя Петра Алексеевича именно «кентавру». В дневнике фрейлины русский император предстает как абсолютно «макиавеллиевский» персонаж: «Играя с людьми, существо иной породы, фавн или кентавр (sic! – А. К.), калечит их и убивает нечаянно»; «существо, странное, чуждое – не знаю, доброе или злое, божеское или бесовское – но нечеловеческое» (*Мережковский Д.С. Сочинения* в 4 т. Т. 2. – М., 1990. С. 414, 415). Вообще, в отличие от большинства исследователей, Мережковский не боялся проводить прямые параллели между Петром Великим и Макиавелли. Это позволило мне еще в 1995 г. сделать вывод: «То, что эти фигуры если не одного размера, то, во всяком случае, – одного ряда, интуитивно почувствовал Д.С. Мережковский, у которого в трилогии “Христос и Антихрист” присутствуют и Макиавелли, и Петр – правда, в разных романах» (*Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации...* С. 64).

¹⁶ Из последних серьезных работ на эту тему см.: Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская Империя против российского хаоса. – М., 1988.

¹⁷ *Федотов Г.П. Три столицы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры.* – СПб., 1991. Т. 1. С. 51. Федотов завершает этот яркий и глубокий фрагмент (одну из вершин русской историософии Серебряного века) словами: «Размышляя об этой борьбе перед музеем Фальконе(та), как не смутиться, не спросить себя: кто же здесь змей, кто змеборец? Царь ли сражает гидру революции, или революция сражает гидру царизма? Мы знаем земное лицо Петра – искаженное, дьявольское лицо, хранящее следы божественного замысла, столь легко восстанавливаемого искусством. Мы знаем лица революционеров – как лица архангелов, опаленные печалью. В жестокой схватке отца и сына стираются человеческие черты. Кажется, что не руки и ноги, а змеиные кольца обвилились и давят друг друга, и яд истекает из разверстых пастей. Когда начиналась битва, трудно было решить: где демон, где ангел? Когда она кончилась, на земле корчились два змеиных трупа» (Там же. С. 52.)

¹⁸ *Федотов Г.П. Певец Империи и свободы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России.* – СПб., 1992. Т. 2. С. 145. Несмотря на убедительную логику Федотова, советская (а иногда и постсоветская) литературоведческая «классика» (возможно, просто не знакомая с текстами русского эмигранта) продолжала утверждать, что в поэме «Медный всадник» лишь два героя – «Петр Великий» и «мелкий чиновник Евгений», а катастрофическое наводнение является лишь «событием», связавшим судьбы двух персонажей. Это прямо утверждал, например, Н.В. Измайлов: «В поэме, или “Петербургской повести”, как очень точно назвал ее в подзаголовке сам Пушкин, два основных персонажа, два героя, определяющих две сплетенные между собою и сталкивающиеся идейно-тематические линии: первый из героев – Петр Великий, “могучий властелин судьбы”, “строитель чудотворный”, создатель города “под морем”, продолжающий как личность жить и после смерти в памятнике, давшем поэме ее заглавие; другой – Евгений, мелкий чиновник из обедневшего дворянского рода, опустившийся до мещанского уровня, “ничтожный герой”, вошедший в 30-х годах в творческий кругозор Пушкина

из окружающего быта... Эти два, казалось бы, неизмеримо далеко стоящих друг от друга героя оказываются связанными событием... петербургским наводнением 7 ноября 1824 г.» (*Измайлов Н.В.* «Медный всадник» А.С. Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения... С. 148 – 149). Разумеется, в такой оптике «макиавеллиевский» контекст пушкинской поэмы не мог быть уловлен.

¹⁹ *Федотов Г.П.* Певец Империи и свободы... С. 146 – 147. В том, что Федотов ни разу (насколько нам известно) не проводил *прямых* параллелей между «Государем» и «Медным всадником», нет ничего странного. Наивно было бы думать, что Федотов, слушавший исторические курсы в Берлинском и Йенском университетах, специализировавшийся на историко-филологическом университете по средневековой истории Италии и Франции у самого И.М. Гревса, проживший несколько лет в Италии и конкретно во Флоренции (городе, в котором Макиавелли является одной из центральных символических фигур), не обратил никакого внимания на «итальянский» контекст сочинения любимого им Пушкина. Скорее можно предположить обратное: общеизвестная в культурной Европе тема Макиавелли о «Государе», побеждающем варварскую стихию, была для Федотова *органичной до обыденности*, и он посчитал ненужной тривиальностью это впрямую декларировать.

²⁰ См., например, горькие слова Федотова в статье «Польша и мы» (1939): «Всесветные печальники, готовые отречься от себя, от России ради всечеловечества, кажется, для одной Польши не нашли слова участия, простого сострадания. Так и прошли мимо – в лучшем случае. В худшем – мы имеем оду Пушкина и пародийные эпизоды Достоевского. Издательство над поляком стало одной из типичных тем русской литературы» (*Федотов Г.П.* Защита России. – Париж, 1988. Т. 4. С. 265).

²¹ Интересно, что параллельно с обработкой «Истории Пугачева» и работой над «Медным всадником» в свою вторую «болдинскую осень» (октябрь – начало ноября 1833 г.) Пушкин закончил и переписал набело переводы двух баллад А. Мицкевича — «Будрыс и его сыновья» и «Воевода». Н.В. Измайлов полагает, что работа над этими переводами (возможно, начатыми ранее) активно велась весь октябрь 1833 г., «когда Пушкин имел в руках издание стихотворений Мицкевича и много думал о своем польском друге» (*Измайлов Н.В.* «Медный всадник» А.С. Пушкина. С. 187)

²² В литературе продолжают споры о рисунке, сделанном пером Пушкина на черновой рукописи «Тазита» (и, несомненно, ранее, чем был написан текст). На рисунке – фальконетовский памятник Петру: скала, на ней конь, попирающий змею, но всадник отсутствует; к коню, сначала не имевшему ни седла, ни уздечки, позднее были тщательно пририсованы и то, и другое. Еще в начале 1930-х гг. А.М. Эфрос выдвинул версию, что «рисунок связан с первым замыслом “Медного Всадника”»: с постамента исчезает Петр, но не вместе с конем, как в окончательной редакции, а один, то есть Евгения преследует бронзовая фигура Петра, как мраморная фигура Командора убивает Дон-Жуана в “Каменном госте”». Эфрос датировал рисунок примерно 1829 г. (см.: *Эфрос А.* Рисунки поэта. – М., 1933. С. 293, 423). Позднее Н.В. Измайлов прямо связал загадочный рисунок Пушкина с его встречами с Мицкевичем: «Не следует забывать, что... летом и осенью 1828 г. происходили встречи Пушкина с А. Мицкевичем, одна из которых – на площади у памятника Петра – послужила основой для позднейшего стихотворения Мицкевича... Беседы их во время этих встреч (при участии П.А. Вяземского) несо-

менно отразились в замысле и в историко-философском содержании “Медного Всадника”. Возможно, что и рисунок Пушкина в какой-то мере отражает эти беседы у памятника» (*Измайлов Н.В.* «Медный всадник» А.С. Пушкина. С. 182)

²³ Этот пушкинский черновик некоторое время находился в собрании великого князя Константина Константиновича, а позднее, согласно его завещанию, был передан в Пушкинский Дом при Российской Академии наук. См. также: *Schwarzband Samuel.* А. Мицкевич и А. Пушкин. 1830 – 1833. К творческой истории создания «Медного всадника» // *Cahiers du monde russe et sovietique.* 1985. Vol. 25. № 3 – 4. P. 395 – 411.

²⁴ См.: Русская старина. 1903. Т. 116 (октябрь – декабрь). С. 341 – 342.

²⁵ См.: *Измайлов Н.В.* «Медный всадник» А.С. Пушкина. С. 185. Напомним, что окончание белой рукописи «Медного Всадника» имело место в ночь с 31 октября на 1 ноября 1833 г.

²⁶ См.: *Розанов М.Н.* Итальянский колорит в «Анджело» Пушкина // Сб. ст. к 40-летию ученой деятельности акад. А.С. Орлова. – Л., 1934. С. 377 – 389.

²⁷ См.: Макиавелли в России: Восприятие на рубеже веков. – М., 1996.

Аннотация

Поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина (1833) является одной из вершин не только русской поэзии, но и русской политической философии. Автор выдвигает гипотезу, что «Медный всадник» написан Пушкиным в системе понятий трактата Никколо Макиавелли «Государь» (1513), главным из которых является образ «Государя», побеждающего варварскую стихию. Поэма является интеллектуальным ответом Пушкина на критику (в стихотворной форме) со стороны бывшего друга Пушкина – польского поэта Адама Мицкевича, ранее неоднократно обращавшегося к Макиавелли и разочарованного позицией Пушкина по вопросу о «польском восстании» 1830 – 1831 гг.

Ключевые слова: политическая философия, история России, цивилизация, варварство, империя, свобода, революция.

Summary

Pushkin's «The Bronze Horseman» poem (1833) is not only one of the masterpieces of Russian poetry, it also is a milestone of Russian political philosophy. The author proposes a hypothesis that «The Bronze Horseman» is written by Pushkin in Machiavelli's conceptual framework of «The Prince» (1513), whose main concept is the image of the Prince who is vanquishing the barbaric element. The poem is Pushkin's intellectual response to criticism (in poetic form) from his former friend, a Polish poet Adam Mickiewicz, who previously made repeated references to Machiavelli and was disappointed in Pushkin's position regarding the Polish uprising of 1830 – 1831.

Keywords: political philosophy, history of Russia, civilization, barbarism, empire, freedom, revolution.